

МАЙСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ УТОПЛЕННИЦА

По Н. В. Гоголю

Диафильм в 2 частях

ЧАСТЬ 2

Производство фабрики „Диафильм“
1953 г.

Одна только хата светилась ещё в конце улицы. Это жилище головы. У головы был гость — винокур, присланный помещиком строить винокурню.

— Скоро же вы думаете, — сказал голова, оборотившись к винокуру, — поставить вашу винокурню?
— Когда бог поможет, то сею осенью, может, и закурим.

В это время дверь растворилась, и мужик, не снимая шапки, ступил за порог. Это был знакомец наш, Каленик.

— Вот, я и домой пришёл! — говорил он, садясь на лавку у дверей и не обращая никакого внимания на присутствующих.

– Пришёл в чужую хату и распоряжается, как дома! – вскричал голова. – Выпроводить его по добру по здорову!..

—Оставь, сват, отдохнуть!— сказал винокур.—
Это полезный человек; побольше такого на-
роду—и винница наша славно бы пошла.

— Добро бы, ещё сказать, пьян; так нет же, не пьян... Я готов объявить это хоть самому голове. Что мне голова?.. Я плюю на него! Чтоб его, одноглазого чёрта, возом переехало!

—Влезла свинья в хату, да и лапы суёт на стол!—
сказал голова, гневно подымаясь со своего места,
и вдруг остановился. За окном слышался шум,
звякнули струны, раздалась песня.

Винокур прильнул к окну, вслушиваясь в слова песни:
„Голова наш сед и крив; Прихотлив и похотлив;
Стар, как бес; а что за дурень! Жмётся к девкам... Дурень, дурень!”

Голова остолбенел, а песня звучала всё громче и громче:
„И тебе лезть к парубкам! По усам, да по шеям!
Тебя б нужно в домовину, За чуприну! за чуприну!”

Ещё одинокий глаз головы был устремлён на окно, а рука уже распахнула дверь.

Винокур, к числу многих достоинств своих присоединявший и любопытство, и свояченица головы тоже выбежали вслед за ним на улицу.

—Нет, ты не ускользнёшь от меня!— кричал голова, толкая ряженого в сени.— Мы его в тёмную комору! Визжи себе хоть чёртом, не только бабою, меня не проведёшь.

—Сейчас разбудим писаря, соберём десятских, переловим всех этих буянов, — говорил, одеваясь, голова.

На повороте в тёмный переулок они столкнулись с писарем:

—А я к тебе иду, пан писарь,—с изумлением прищурив единственный глаз свой, проговорил голова.

—А я к твоей милости, пан голова... Хлопцы бесятся!
Твою милость величают такими словами... Самый
главный, однако же, не увернулся от нас... он теперь
в той хате, где держат колодников.

—А не лжёшь ты, пан писарь? Что, если этот сорванец сидит теперь у меня в коморе? — перебил его голова. В размышлении тронулись они к хате головы. Дверь коморы отперли...

...Б дверях стояла свояченица.

—Разве я не кричала тебе, что это я?—затараторила она.—Схватил, проклятый медведь, да и толкает! Чтоб тебя на том свете толкали черти!..

Свояченица выскочила, хлопнув дверью.
— Кой чёрт! — прислушиваясь, сказал голова, —
мне почудился крик свояченицы на улице...

Все выбежали на крыльцо, но кругом было тихо.
— Пошли к хате колодников. Нужно непременно
узнать, какая эта шельма в вывороченном тулупе!

Приблизились к почти повалившейся на землю хате. Все столпились у дверей. Писарь вынул ключ, загремел им около замка. Двери отворились, и...

Голова стал бледен, как полотно;

винокур почувствовал холод, и волосы его, ка-
залось, хотели улететь на небо;

десятские приросли к земле и не в состоянии
были сомкнуть дружно разинувших ртов своих...

...перед ними стояла свояченица.

— Стой! — закричал диким голосом голова и захлопнул дверь. — Господа! — это сатана! Огня! живее огня! Зажигай хату, зажигай, чтобы и костей чёртовых не осталось на земле!

–Что вы, братцы!.. от простого огня ведьма не загорится! Только огонь из люльки может зажечь оборотня, – раздувая огонь, говорил винокур. Свояченица плакала за дверью.

– Пойдите, братцы! – вскричал писарь. – Если оно, то есть то самое, которое сидит там, согласится положить на себя крестное знамение, то это верный знак, что не чёрт.

— Чур меня, сатана! — в страхе говорил писарь, —
если не пошевелишься с места, мы отворим дверь.

– Перекрестись! – сказал голова, выставляя для защиты костыль свой. Свояченица, всхлипывая, перекрестилась.

— Кой чёрт! — изумлённо проговорил писарь. — Точно, это свояченица.

-Нет, тут не на шутку сатана вмешался.

-Поймали!.. Дьявола в вывороченном тулупе поймали! -вскрикнули вошедшие в это время десятские.

—Вы с ума сошли: это пьяный Каленик!—закричал голова, сдёрнув с дьявола тулуп.

— Властью моею и всех мирян даётся повеление —
изловить сей же миг сего разбойника и всех, ко-
го найдёте на улице!

Виновник же всей этой кутерьмы, не беспокоясь ни о чём, в это время медленно подходил к старому дому и пруду.

Неподвижный пруд подул свежестью на усталого пешехода и заставил его отдохнуть на берегу. Непреодолимый сон быстро стал смыкать ему зеницы...
— Нет, эдак я засну ещё здесь! — Левко оглянулся.

Ночь казалась перед ним ещё блистательнее. Серебряный туман пал на окрестность. С изумлением глядел он в неподвижные воды пруда...

...старинный дом, опрокинувшись вниз, виден был в нём чист и в каком-то ясном величии. Мрачные ставни были открыты; стёкла сияли при месяце.

Притаивши дух, не спуская глаз с пруда, Левко, казалось, переселился в глубину его и видит:

отворилось в доме окно, и выглянула приветливая
головка с блестящими очами: — Спой мне, молодой
козак, какую-нибудь песню! — тихо молвила она.

Настроив бандуру, заиграл и запел Левко:
„Ой, ты, мисяцю, мій мисяченьку...“

Слёзы тихо покатались по бледному лицу панночки.
— Парубок, найди мне мою мачеху. Она страшная
ведьма: мне не было от неё покою на белом свете.

A black and white close-up photograph of a man with a mustache, wearing a dark, textured military-style cap. He is looking upwards and to the right with a thoughtful or earnest expression. The background is dark and out of focus.

—Я готов на всё для тебя, моя панночка!—сказал он в сердечном волнении, —но как мне, где её найти?

– Посмотри! – быстро сказала панночка: – она здесь!
она играет в хороводе и греется на месяце.

В тонком серебряном тумане мелькали на берегу девушки, лёгкие, как будто тени, в белых, как луг, убранный ландышами, рубашках; тело их будто светилось насквозь при серебряном месяце.

– Давайте в ворона, давайте играть в ворона! – зашумели девушки, будто приречный тростник, тронутый в тихий час сумерек воздушными устами ветра.

—Нет, я не хочу быть вороном!— сказала одна девушка,— мне жалко отнимать цыплёнок у бедной матери!

— „Ты не ведьма“,— подумал Левко.

– Я буду вороном! – вызвалась одна из середины.

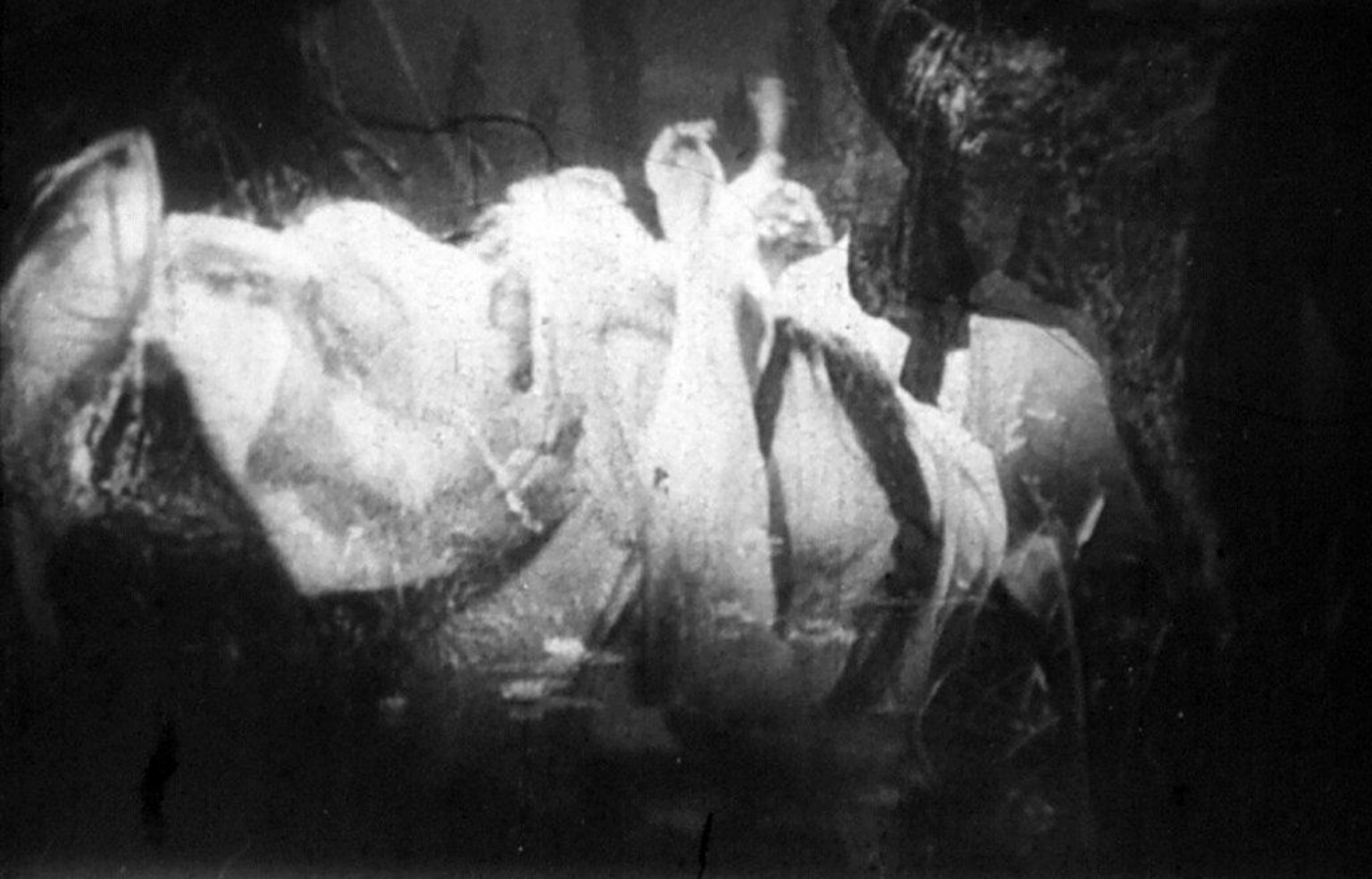

Левко стал пристально вглядываться в лицо ей. Скоро и смело гналась она за вереницею и кидалась во все стороны, чтобы изловить свою жертву.

Вдруг раздался крик: ворон бросился на одну из вереницы и схватил её, и Левку почудилось, будто у ней выпустились когти. — Ведьма! — сказал Левко, вдруг указав на неё пальцем.

Девушки с криком увели за собою ведьму,
а панночка засмеялась.

A black and white close-up portrait of a woman with dark, curly hair. She is wearing a crown or headpiece made of white flowers. She has a slight smile and is looking towards the camera. The background is dark and out of focus.

— Чем наградить тебя, парубок, — сказала она. — Я знаю, тебе не золото нужно: ты любишь Ганну, но суровый отец мешает тебе жениться на ней.

Он теперь не помешает; возьми, отдай ему эту записку... — Белая ручка протянулась, лицо её как-то чудно засветилось и засияло. Схватил Левко записку и...

...проснулся.

— Неужели это я спал? — сказал он про себя. —
Так живо, как будто наяву!
Тут за спиной Левка слышался шум.

– Я держу заклад, что это человек, а не чёрт!..
Не бойтесь, хватайте его! – кричал голова десят-
ским. – Полно тебе дурачить людей! – С Левка
сбросили тулуп.

– Левко! сын! Это ты, собачий сын! – широко раскрыв свой единственный глаз, проговорил оторопевший голова.

— Я думаю, какая это шельма, какой это вывороченный дьявол строит шутки! А это, выходит, всё ты. Видно, чешется у тебя спина! Вязать его!

—Постой, батько! велено тебе отдать эту записочку, — проговорил Левко.

— Не до записок теперь, голубчик! Вязать его! —
оборвал голова.

– Пстой, пан голова! – сказал писарь, развернув записку: – комиссарова рука!

– Комиссара? – изумлённо протянул голова. – Читай, читай: что там пишет комиссар?

Писарь откашлялся и начал читать: — „Приказ голове, Евтуху Макогоненку. Дошло до нас, что ты, старый дурак...“

—Стой, стой!—закричал голова, —я хоть и не слышал, однако ж знаю, что главного тут дела ещё нет. Читай далее!

— „А вследствие того, приказываю тебе сей же час женить твоего сына, Левка Макогоненка, на козачке из вашего же села Ганне Петрыченковой...”

—Где ты взял эту записку?—спросил голова у Левка.

—Я отлучался вчера ввечеру ещё в город и встретил там комиссара. Дал он мне эту записку и велел сказать, что заедет на возвратном пути к нам пообедать, — сочинил Левко.

—Как думаешь, пан писарь, и ты, сват, это не совсем пустая честь! Не правда ли?—важно сказал голова.

—А когда же свадьбу, батько?— перебил его Левко.

–Свадьбу? Дал бы я тебе свадьбу!.. Ну, да для именитого гостя... завтра вас поп и обвенчает. Чёрт с вами! Пусть комиссар увидит, что значит исправности!

Радостный Левко быстрыми шагами спешит к знакомой хате.

— Спи, моя красавица! — тихо проговорил Левко, заглядывая в окошко.

– Приснись тебе всё, что есть лучшего на свете; но и то не будет лучше нашего пробуждения! – Левко прикрыл окошко и тихонько удалился.

Через несколько минут всё уже уснуло на селе,
всё погрузилось в сон.

Только пьяный Каленик долго ещё шатался по уснувшим улицам, отыскивая свою хату.

КОНЕЦ

Диафильм составлен по кинокартине „Майская
ночь, или утопленница“ производства киностудии
им. М. Горького

Диафильм составили А. А. Роу и А. Е. Ульяновцев
Консультант С. М. Петров
Редактор Т. В. Семибратова

Фабрика „Диафильм“
Москва, 131, Лужнецкая набережная, д. № 4А